

Первый закон:

Кровь и железо
Прежде чем их повесят
Последний довод королей
Острые края

Ужо Аберкромби

Открые края

Москва
2017

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-445
А14

Joe Abercrombie

SHARP ENDS

Collection copyright © Joe Abercrombie 2016

A Beautiful Bastard copyright © Joe Abercrombie 2016

Small Kindnesses copyright © Joe Abercrombie 2016

The Fool Jobs copyright © Joe Abercrombie. First Published in Swords of Dark Magic,
edited by Jonathan Strahan, 2010

Skipping Town copyright © Joe Abercrombie. First published in Legends,
edited by Ian Whates, 2013

Hell copyright © Joe Abercrombie 2016

Two's Company copyright © Joe Abercrombie 2016

Wrong Place, Wrong Time copyright © Joe Abercrombie 2016

Some Desperado copyright © Joe Abercrombie. First published in Dangerous Women,
edited by Gardner Dozois and George R.R. Martin, 2013

Yesterday, Near a Village Called Barden... copyright © Joe Abercrombie.
First published in The Heroes, 2012

Three's A Crowd copyright © Joe Abercrombie 2016

Freedom! copyright © Joe Abercrombie. First published in Red Country, 2013

Tough Times All Over copyright © Joe Abercrombie. First published in Rogues edited
by Gardner Dozois and George R.R. Martin, 2015

Made a Monster copyright © Joe Abercrombie 2016

First published by Gollancz, London

Иллюстрация на обложке *Анатолия Дубовика*

Аберкромби, Джо.

А14 Острые края / Джо Аберкромби ; [пер. с англ. А. Гришина]. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 416 с. — (Черная Фэнтези).

С возвращением в мир Земного Круга, любезный читатель! И лучше бы тебе
знать его героев и негодяев, в противном случае истории, собранные в этой кни-
ге, могут тебя шокировать.

Шеvedaйя, лучшая воровка Стирин, и Джавра, львица Хоскоппа, — две столь
разные женщины, и все же подруги.

Бетод, король Севера, и Логен Девятипалый — совершенная машина для
убийства. Только можно ли достичь желанного мира, когда твой друг безумен?

Занд дан Глокта — блестящий офицер армии Его Величества: непревзойден-
ный мастер фехтования, любимец фельдмаршала и... отъявленный негодяй.
Определенно, ему есть о чем потолковать с гурками.

Впервые на русском языке!

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-445

© Гришин А., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-96309-6

*Посвящаю маме и папе.
Без вашего генетического материала
у меня ничего не получилось бы.*

Обаятельный мерзавец

Кадир, весна 566 года

— Ура! — взвизгнул Салем Реус, квартирмейстер Первого полка Его Августейшего Величества. — Задайте им жару!

Именно это — жару — полковник Глокта всегда и задавал своим противникам, будь то в фехтовальном кругу, или на поле боя, или в куда более суровых ситуациях, сопровождающих взаимоотношения безоружных людей в обществе.

Трое спарринг-партнеров, которым выпала несчастливая доля схватиться с ним, насакивали на него так же бестолково, как это делали бы рогатые мужья при случайной встрече на городской улице, или кредиторы, тщетно пытающиеся напомнить о долге, или позабытые приятели. Глокта с издевательской ухмылкой танцевал перед ними, полностью оправдывая свою двойственную репутацию лучшего фехтовальщика Союза и наглого позера. Он издевался — то подсказывал, то приседал, то перебежал на несколько шагов, то волочил ноги по-стариковски, то резко поворачивался, — проворный, как муха, непредсказуемый, как бабочка и, если ему приходила такая блажь, мстительный, как злая оса.

— Ну-ка, друзья, веселее! — выкрикнул он и, совершенно неожиданно развернувшись в прыжке, звучно хлопнул по ягодицам каждого из своих соперников. Толпа зашлась в глумливом хохоте.

— Отличный спектакль! — заявил лорд-маршал Варуз, раскачиваясь от восторга на складном походном стуле.

— *Потрясающе* отличный спектакль! — подхватил полковник Крой, стоявший по правую руку от него.

— Прекрасная работа! — сообщил полковник Поулдер, стоявший слева; эти двое непрерывно соревновались между собой в том, кто лучше подольстится к командиру. Вот и сейчас они вели себя так, будто вовсе нет забавы благороднее, чем издевательство над тремя новобранцами, которым вряд ли доводилось когда-то прежде держать в руках меч.

Салем Реус, внешне восторгавшийся, но в душе сгоравший от стыда, радовался так же бурно, как и все остальные. Но его взгляд то и дело уходил от этого пленительного, тошнотворного зрелища. Перескакивал на долину и прекрасный образец армейского беспорядка, который заполнял ее.

Пока командиры прохлаждались здесь, на вершине хребта — потягивали вино, глазели на забаву самоуверенного и самовлюбленного Глокты, пользовались бесценной возможностью насладиться освежающим ветерком, — внизу, в раскаленном на солнце тигле долины, частично затянутом тучей удушающей пыли, страдала основная часть армии Союза.

На то, чтобы протащить солдат, лошадей и постепенно, но неотвратимо разваливавшиеся обозные подводы через узенький мост, который старательно подмывала мчащаяся по глубокому оврагу вода, потребовался целый день. Теперь же люди растянулись неровной вереницей и уже не столько маршировали, сколько брели в полусне. То, что когда-то было дорогой, давным-давно растоптали бесчисленные ноги, все признаки формы, дисциплины и воинского духа остались в прошлом, а красные куртки, сия-

ющие нагрудники и развевающиеся золотые штандарты окрасились в одинаковый светло-бежевый цвет выжженной солнцем пыли Гуркхула.

Реус сунул палец под воротник и попытался оттянуть его и допустить хоть немного воздуха к мокрой от жгучего пота шее, думая при этом, что хоть кто-то должен бы попытаться немного упорядочить творящийся внизу хаос. Ведь если сейчас появятся гурки, будут большие неприятности. А гурки имели обыкновение появляться в самые неподходящие моменты.

Но Реус был всего лишь квартирмейстером. Среди офицеров Первого полка он считался низшим из низших, причем никто даже не пытался скрывать от него это отношение, а он сам принимал его как само собой разумеющееся. Он пожал зудящими плечами, решил — далеко не в первый раз, — что эта проблема его не касается, и позволил своему взгляду, будто по магическому притяжению, вернуться к упражнениям несравненного полковника Глокты.

Этот человек, без всякого сомнения, прекрасно выглядел бы на портрете, однако выделяло его из общей массы то, как он улыбался, кривил губы, насмешливо вскидывал бровь — то, как он *двигался*. Он обладал осанкой танцора, телосложением героя, силой борца, скоростью змеи.

Два лета тому назад, в значительно более цивилизованной местности — посреди Адуи — Реус был свидетелем того, как Глокта одержал победу на турнире, не пропустив ни одного удара. Он, естественно, смотрел состязания с дешевых верхних ярусов, с такого расстояния, на котором фехтовальщики казались совсем крошечными, но и там его сердце отчаянно билось, а руки непроизвольно дергались в такт движениям бойцов. Возможность видеть своего кумира вблизи только усилила восхищение. Честно го-

воря, оно выросло до такой степени, что кое-кто мог бы без большой ошибки назвать это чувство любовью. Но восхищение это уравновешивалось горькой, ядовитой и тщательно скрываеваемой ненавистью.

У Глокты было все, а если чего и не имелось, он легко мог этого добиться, и никто не смог бы преградить ему путь. Женщины обожали его, а мужчины завидовали ему. Женщины завидовали ему, и мужчины из-за этого боготворили его. Можно было ожидать, что человек, столь щедро одаренный судьбою, должен быть очень приятен в общении.

Но Глокта был настоящим мерзавцем. Красивым, зловредным, искусным и отвратительным негодяем, одновременно и лучшим, и худшим мужчиной во всем Союзе. Он являл собой твердыню эгоцентричной самовлюбленности. Непоколебимый бастион высокомерия. Превыше своих способностей он ставил лишь собственную уверенность в этих самых способностях. Все остальные были для него фигурами с игровой доски, очками, которые следует подсчитать, опорами, предназначенными для того, чтобы поддерживать величественный постамент, на который он возвел самого себя. Глокта поистине представлял собой ураган негодяйства, оставлявший за собой — совершенно того не замечая — след из растоптанных дружб, сломанных карьер и погубленных репутаций.

«Я» этого человека обладало такой силой, что некий странный свет, испускаемый им, искажал личности всех, кто оказывался рядом, отчего они тоже казались мерзавцами, по крайней мере, наполовину. Вышестоящие превращались в лицемеров-сообщников. Знатки подхватывали его невежественное мнение. Порядочные принижались до безвольных подпевал. Знатные дамы — до хихикающих ничтожеств.

Реусу некогда довелось услышать о том, что самые преданные последователи гуркской религии должны совершить паломничество в Саркант. Ну а самые выдающиеся негодяи должны были, точно так же, совершить паломничество к Глокте. Подонки липли к нему, как муравьи к недоеденному пирожному. Вокруг него держался постоянно обновляющийся круг мерзавцев — стадо, в котором каждый скот был готов перегрызть любому глотку, — служивший ему декорациями для самовозвеличивания. Все эти негодяи тянулись за ним, как хвост за кометой.

Причем Реус знал, что сам несколько не лучше всех остальных. Когда Глокта высмеивал кого-то, он хохотал вместе со всеми, отчаянно надеясь, что его жалкий подхалимаж будет отмечен кумиром. Когда же безжалостный язык Глокты неизбежно задевал его самого, он хохотал еще громче, радуясь хотя бы такому вниманию.

— Дайте им урок! — выкрикнул он, когда Глокта заставил одного из своих противников сложиться пополам, больно ткнув его коротким клинком в живот. В это самое мгновение Реус невольно подумал о возможном содержании этого урока. Вероятно, оно свелось бы к тому, что жизнь жестока, страшна и несправедлива.

Глокта перехватил меч еще одного противника длинным клинком, молниеносно вдев в ножны короткий, отвесил ему оплеуху по одной щеке, а потом по другой и с подчеркнутым презрением оттолкнул громко заскулившего неудачника. Гражданские, прибившиеся к армии, дабы собственными глазами посмотреть на ход войны, принялись наперебой выражать свое восхищение, а сопровождавшие их дамы ворковали и обмахивались веерами в тени под хлопавшим на ветерке полотняным навесом. Реус застыл, парализованный муками совести и востор-

гом. Он желал лишь одного — оказаться на месте того, кто только что удостоился пощечин.

— Реус! — Неожиданно оказавшийся рядом с ним лейтенант Вест поставил ногу в пыльном сапоге на заборчик.

Вест относился к тем немногочисленным подчиненным Глокты, которые не поддавались развращающему влиянию полковника, а по поводу самых гнусных выходов своего командира даже, в отличие от прочих, дерзал высказывать негодование. Как ни парадоксально, он также был один из тех немногих, к кому Глокта вроде бы относился с искренним уважением — даже несмотря на низкое происхождение лейтенанта. Реус видел это и прекрасно понимал, но так и не нашел в себе решимости последовать примеру Веста. Вероятно, он был слишком толст. Или, возможно, ему попросту не хватало смелости на это. Хотя, если честно, смелости ему не хватало почти ни на что.

— Вест! — Реус говорил лишь одной стороной рта и не отрывал глаз от Глокты, чтоб не пропустить ни мгновения происходившего.

— Я только что был у моста.

— И что?

— В арьергарде полный хаос. Вернее сказать, что у нас вовсе нет арьергарда. Капитан Ласки слег. Говорят, он может остаться без ноги.

— Значит, не с той ноги встал. — Реус хохотнул над собственной шуткой, поздравив себя с тем, что сумел высказать нечто достойное, пожалуй, несравненного Глокты.

— Рота без него рассыплется.

— Ну, полагаю, это проблема роты... Бей! Бей! О-о-о-о! — Глокта сделал ловкое обманное движение, подсек ногу противника, и тот закувыркался в пыли.

— Как бы это не превратилось очень скоро во всеобщую проблему. — Вест никак не желал уgomониться. — Люди изнемогают. Еле идут. Обозы перепутались и мешают друг другу...

— Обозы всегда путаются, для них это естественная форма существования... О! — Глокта изобразил еще один финт и с невысмыслимой скоростью ударил противостоявшего ему мужчину — хотя его правильнее было бы назвать мальчишкой — ногой в пах. Тот сложился пополам и выпучил глаза от боли.

— Но если сейчас появятся гурки... — гнул свое Вест, не сводя взгляда с выжженной солнцем местности, раскинувшейся за рекой.

— До гурков отсюда мили и мили. Знаешь, Вест, ты всегда о чем-то тревожишься.

— Но кто-то ведь должен...

— Ну и обращайся к лорд-маршалу! — Реус кивнул в сторону Варуза, который настолько увлекся сложным сочетанием фехтования с издевательством, что подался вперед и едва не упал со стула. — Лично я и рад бы тебе помочь, но даже не представляю, что мог бы сделать в такой ситуации. Подать рапорт об увеличении рациона для лошадей?

Его перебил громкой шлепок — это Глокта хлестнул последнего из своих противников клинком плашмя по лицу, и тот, вскрикнув от боли, замер на месте, прижимая ладонь к щеке.

— Говорите, это лучшие из лучших? — Глокта шагнул вперед и с силой пнул одного из своих недавних противников, пытавшегося подняться с земли, ногой в зад, отчего тот, к восторгу окружающих, снова полетел лицом в пыль. Глокта поглощал аплодисменты, как один из распространенных в джунглях цветков-паразитов по-

глощает соки своего хозяина; он кланялся, улыбался, рассылал воздушные поцелуи, и Реус до боли хлопал в ладоши.

Какой же мерзавец этот полковник Глокта! Но до чего же обаятельный.

Все трое партнеров поплелись из круга лечить ушибы, которые пройдут очень скоро, и изживать унижение, которое, невзирая ни на какие усилия, останется с ними до могилы, а Глокта перегнулся через заборчик, за которым собрались дамы. Из них он уделял особое внимание леди Веттерлант — молодой, богатой, красивой (хотя, определенно, напудренной сверх меры) и, несмотря на жару, одетой роскошно и по самой последней моде. Она недавно вышла замуж, но ее пожилому мужу пришлось, в интересах политики Открытого совета, остаться в Адуе. Поговаривали, что он удовлетворяет ее финансовые запросы, но во всех остальных отношениях женщины ему уже неинтересны.

Ну а полковник Глокта, очень даже интересующийся женщинами, имел весьма скверную репутацию.

— Вы не одолжите мне носовой платок? — спросил он.

Реус давно обратил внимание на особую манеру, с которой Глокта разговаривал с приглянувшимися ему женщинами. Голос немного грубоват. Реплики чуть запаздывают — самую малость, всего лишь на мгновение. И полностью сосредоточенное на собеседнице внимание, как будто взгляд полковника приклеен к ее глазам. Вряд ли стоит пояснять, что, получив свое, он не стал бы оглядываться на вчерашнюю возлюбленную, даже если бы та ради него взошла на костер.

И все же каждый новый объект его увлечения с покорной безропотностью мотылька, вьющегося вокруг огня свечи, позволял увлечь себя в пламя скандала и никог-

да не выказывал сил и желания против столь заманчивой возможности бросить вызов светской морали.

Леди Веттерлант приподняла тщательно выщипанную бровь.

— Почему бы и нет, полковник. — И она подняла руку, чтобы достать платочек из-за корсажа. — Я...

И она сама, и ее спутники и ахнуть не успели. Зату-пленный длинный клинок Глокты сверкнул быстрее молнии и выдернул платок из-за материи, облежавшей грудь. Тончайшая ткань, затрепетав в воздухе, медленно опустилась в подставленную руку. Все это напоминало магический фокус.

Одна из дам хрипло закашлялась. Другая затрепетала ресницами. Леди Веттерлант застыла в полной неподвижности с широко распахнутыми глазами, полуоткрытым ртом и руками, не донесенными до груди. Вероятно, все задумались об одном: что полковник, буде у него возникло бы такое желание, так же легко срезал бы все застежки на корсаже.

Реус несколько не сомневался, что такое вполне возможно.

— Благодарю, — сказал Глокта, коротко приложив платок ко лбу.

— Возьмите его себе, — хриловатым полупшепотом произнесла леди Веттерлант. — Считайте это моим подарком.

Глокта улыбнулся и убрал платок под рубашку, оставив на виду уголок пурпурной ткани.

— Буду хранить ваш дар у самого сердца.

Реус фыркнул. Можно подумать, что у него есть сердце.

Глокта же добавил, понизив голос:

— Вы позволите когда-нибудь вернуть его?

— В любой момент, когда у вас выдастся возможность, — прошептала она, и Реус в который раз не мог не